

Как евреи сделали Черновцы тайной столицей

Черновцы в начале XX века

Почему Черновцы называют тайной столицей немецкой литературы, какую роль в этом сыграли поэты-евреи, и каково это — писать на языке убийц твоего народа/твоем родном языке — в интервью с известным германистом, литературоведом и переводчиком, профессором Черновицкого национального университета Петром Рыхло.

— Что представляли собой Черновцы в начале прошлого века? Почему именно здесь столь ярко проявился феномен двойной идентичности?

— Это многонациональный край, где издавна жили румыны и украинцы, со времен средневековья селились евреи, потом появились поляки, армяне, венгры, словаки, а с конца XVIII века шла интенсивная эмиграция немцев из южной Германии. Ни один этнос не мог остаться в изоляции, взаимовлияния

пронизывали повседневную жизнь буковинцев. И, вместе с тем, будучи частью Австро-Венгерской империи, Черновцы являли собой восточный форпост немецкой культуры с немецким университетом, театром, прессой и литературными салонами — культуры, которую многие евреи воспринимали как свою.

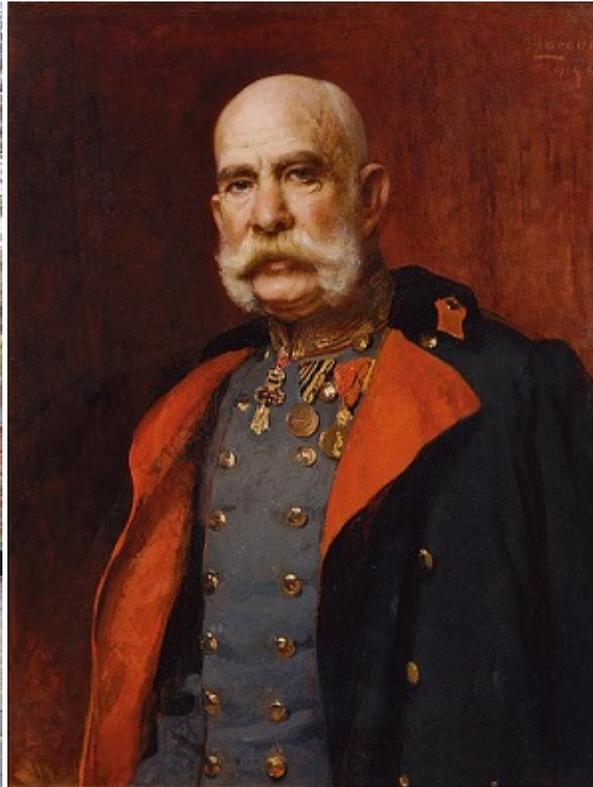
— Характерно, что именно евреи оказались наиболее глубоко интегрированы в господствующую немецкую культуру...

— Во-первых, у идиша, на котором говорил штетл, а также еврейский пролетариат и мелкие торговцы в городах, много общего с немецким языком. На этапе становления идиш было крайне сложно отличить от *Mittelhochdeutsch* — средневекового немецкого — сегодня в Германии студенты-филологи, изучающие историю родного языка, сопоставляют его с ранним идишем, находя множество параллелей. Не удивительно, что евреям было намного проще освоить немецкий язык, чем украинцам, румынам или полякам.

Был и чисто политический фактор — конституция Австро-Венгрии 1867 года гарантировала равноправие евреям, поэтому немецкий стал для них языком эмансипации, они любили кайзера Франца Иосифа — в каждой еврейской семье висел его портрет. Я хорошо знал последнего еврейского писателя Буковины — Иосифа Бурга, будучи переводчиком его книг с идиша на украинский. Так вот, Бург вспоминал, как в детстве, мама, показывая на портрет Франца Иосифа, почтительно говорила — «*Dos is unser Kejsser*» — это наш кайзер.

Памятник Францу Иосифу в Черновцах

Портрет Франца Иосифа, худ. Л. Горовиц, 1904 — 1906

Евреи оказались наиболее восприимчивы к немецкому языку, хотя владели им и украинцы из высших слоев общества, например, классик украинской литературы Юрий Федькович ряд своих произведений создал по-немецки. Много писала по-немецки и Ольга Кобылянская, на этом языке издавал свои учебники по музыке писатель и композитор, профессор Черновицкого университета Сидор Воробкевич. Другое дело, что для евреев это было массовым явлением, поскольку они составляли значительную часть городской интеллигенции, — перед Первой мировой войной 50% преподавателей университета, 58% врачей и 76% адвокатов Черновцов были евреями.

— Кто из местных писателей или поэтов-евреев первым добился широкой известности на немецком литературном поприще?

— В XIX веке можно вспомнить Морица Амстера и, пожалуй, Карла Эмиля Францоza — он, правда, родился в Чорткове, но много лет прожил в Черновцах, а знаменит стал в Вене и Берлине. Это Француз открыл Европе (на немецком языке, разумеется) творчество Тараса Шевченко и написал одну из первых монографий об украинской литературе. Интересны его рефлексии по

поводу двойной идентичности, с которой мы начали разговор:

Меня захватывали рассказы отца; каждый вечер ...он давал мне урок немецкого, а потом рассказывал то о немецких освободительных войнах, то о борьбе Маккавеев, о Германе Херускере (предводитель древних германцев в Битве в Тевтобургском лесу, — прим. ред.) и еврейских мучениках Вормса. Вот так немецкость и еврейство слились для меня воедино.

При этом всплеск еврейско-немецкой литературы приходится на 1930-е — и это некий парадокс, ведь Буковина к тому времени уже была частью Румынии. Но культурные коды меняются медленно — евреи Черновцов оставались в поле немецкой культуры, хотя учились уже в румынских лицеях и прекрасно владели румынским. При этом в семье и с друзьями они говорили по-немецки, читали немецких классиков и модернистов и чувствовали этот язык родным — Muttersprache (то есть, материнским языком). Румынский же, как подметил поэт из этой плеяды Альфред Гонг, был для них Stiefmuttersprache — языком мачехи.

Пробиться из румынской Буковины в большой мир немецкой литературы было непросто. Хотя редактора «Czernowitzer Morgenblatt» Альфреда Маргул-Шпербера уже тогда активно печатали в Германии и Австрии, а первый сборник Розы Ауслендер, изданный в Черновцах в 1939-м, был хорошо принят известными немецкими и австрийскими писателями. Вместе с тем до Второй мировой они оставались все-таки локальными поэтами.

Роза Ауслендер и памятная доска на доме, где она родилась

— До июня 1941-го был еще июнь 1940-го, когда СССР аннексировал Буковину. Как на смену режима откликнулись черновицкие поэты-евреи?

— Все они были интеллектуалами левых взглядов, симпатизировавшими СССР, к тому же в Румынии в конце 1930-х окрепла ультраправая Железная гвардия, усилились антисемитские настроения. Не удивительно, что часть еврейской интеллигенции идеализировала Страну Советов, как и многие западные интеллектуалы, — напомним, что такие выдающиеся литераторы, как Поль Элюар и Луи Арагон, даже вступили в компартию.

Но отрезвление наступило очень быстро, поскольку в так называемый «русский» год по Буковине прокатилась волна массовых арестов, многие евреи — буржуазия, интеллигенция — были депортированы в Сибирь.

Роза Ауслендер, в период между мировыми войнами много лет прожившая в США, была арестована черновицким НКВД как американская шпионка и провела три с половиной месяца в следственном изоляторе. Интересно, что в автобиографии она даже не упомянула об этой истории, зато оставила

стихотворения — о камере, где она лепит фигурки из хлеба, рассказывает сказки сокамернице-украинке, видит клочок неба сквозь решетку и т.п.

Пауль Целан пытался вписаться в новые реалии, выучив русский язык за считанные месяцы, — когда его друзья еще складывали буквы в слова, он уже читал «Войну и мир». Молодой Целан даже состоял переводчиком в комиссии по расселению советских офицеров. Мало кто знает, что после освобождения города — в 1944-м — он работал в газете «Радянська Буковина» и переводил статьи с украинского на румынский (в детстве Пауль последовательно учился в немецкой, еврейской, румынской и украинской гимназиях).

— В годы войны Черновцы входили в румынскую зону оккупации, поэтому большинству поэтов-евреев удалось пережить Холокост. Но их родной язык превратился из материнского *Muttersprache* в *Mordersprache* — язык убийц. Как они с этим справились?

— «Я никогда не страдал так сильно, как в дни, когда ...был вынужден слушать родные немецкие звуки моей матери из пасти своих палачей», — вспоминал школьный товарищ Целана Иммануэль Вайсглас, депортированный в трудовой лагерь в Транснистрии.

После войны начался исход уцелевших в Холокосте поэтов из Черновцов — многие осели в Бухаресте, кто-то продолжил путь на Запад или даже переехал в Китай, как Клара Блюм, которая преподавала немецкий язык и литературу в университетах Пекина, Нанкина и Гуанчжоу.

Пауль Целан, работая в 1945 — 1947 годах в бухарестском издательстве «Картя Русе» («Русская книга»), переводил русскую литературу на румынский язык. Его друг Иммануэль Вайсглас перевел на румынский множество классических произведений, включая «Фауста» Гёте. Но полностью перейти на другой язык в своем творчестве они не могли — только родной язык позволяет выразить глубину поэтической мысли во всех нюансах.

Поэтому Роза Ауслендер, снова эмигрировавшая после окончания войны в США, за восемь лет не написала ни строчки по-немецки, столь велик был шок, пережитый в гетто Черновцов.

Перебравшись в Вену, а потом в Париж, Целан остался немецким поэтом. Он не начал писать по-французски, которым великолепно владел. Возможно ли

писать стихи после Освенцима? — вопрошал Теодор Адорно. Целан хотел доказать, что это возможно, но писал уже по-другому. Отгораживаясь от бытового уровня немецкой речи, где продолжали жить нацистские клише, он создавал свой особый язык, черпая образы из таких сфер, как археология, медицина, ботаника.

Пауль Целан, 1938

Памятник поэту в Черновцах

Много позже он открывает для себя российскую поэзию, переводит на немецкий Блока, Есенина и Мандельштама, в котором видит родственную душу и называет его «Брат Осип». Он очень почитал этого ассимилированного еврея, писавшего по-русски, отмечая схожесть их судеб, и считал переводы Мандельштама не менее важными, чем собственные стихи. Действительно, это лучшие переводы великого русского поэта на немецкий язык, как и сделанные Целаном переводы Хлебникова и Цветаевой.

— Холокост стал водоразделом в творчестве этой плеяды немецкоязычных поэтов-евреев, ведь оставшись в живых, они похоронили то, чем так дорожили, — двойную идентичность.

— Они все обращались к этой теме, но делали это по-разному. Альфред Киттнер и Иммануэль Вайсглас, пережившие депортацию в Транснистрию, посвятили этому целые поэтические сборники. У Вайсгласа бесконечны разновидности Смерти — смерть в снегу, смерть на углях, путешествующая смерть и т.д. В том же ряду парафразы потустороннего мира — банкет мертвых, хоровод мертвых, стигийское царство и т. п. Через гетто и трудовой лагерь прошел и Альфред Гонг, с горькой улыбкой констатировавший, что «шесть языков, из них три мертвых, а также искусство софистики, диалектика и Талмуд» не помогли «вспомнить ни одного афоризма, чтобы смягчить норы убийц...».

Целан, отправленный в румынский трудовой лагерь, писал там любовную лирику и стихи о природе — о Катастрофе он расскажет позже.

— В своей знаменитой «Фуге смерти»?

— Эту поэму, начатую еще в Черновцах, он поначалу назвал «Танго смерти». В 1944 году, сразу после освобождения города, Целан увидел в советских газетах первые репортажи о нацистских концлагерях, откуда узнал и об оркестрах из узников, игравших бравурные марши или танго. Но вскоре поэт осознал, что танго — это аргентинский феномен, а он хотел показать несовместимость высокой немецкой культуры и немецкого же варварства и искал понятие, выражавшее сущность немецкой культуры. И нашел его в слове «фуга» — сложном музыкальном произведении (мастером которого являлся Бах), построенном по принципу контрапункта, где в финале разные лейтмотивы сливаются воедино.

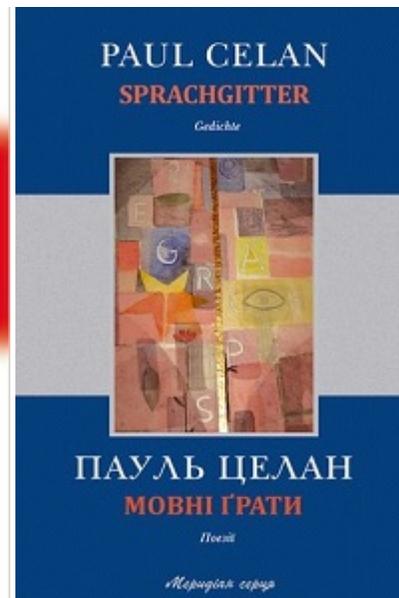
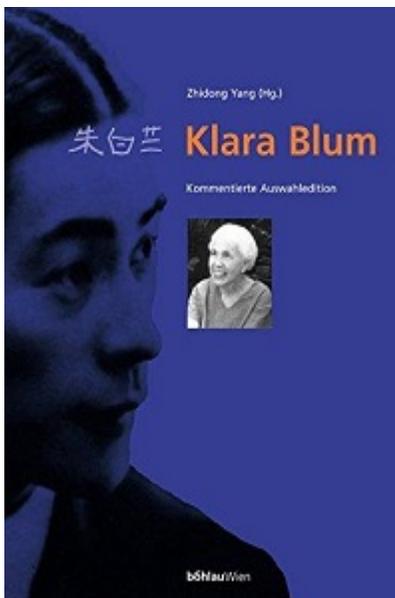
Такова «Фуга смерти», где отдельные мотивы повторяются много раз и накладываются на еврейский контекст, — так золотистые волосы Маргариты контрастируют с пепельными волосами библейской Суламифи, символизирующей еврейскую идентичность. Целан построил это произведение из разных культурных кодов, а коллективное «я» в «Фуге смерти» — это коллективное еврейское «мы».

— С чем вы связываете послевоенное признание немецкоязычной поэзии Буковины? Дело исключительно в художественных достоинствах или в особом контексте, который не могла игнорировать новая Германия?

— Как литературный феномен эта поэзия была открыта довольно поздно — в 1980-е годы. Хотя Целан, Ауслендер, Гонг, Вайсглас, Киттнер, Мозес Розенкранц были не литературной школой, а скорее, литературным кругом. Как, например, пражский литературный кружок, в который входили Кафка и Макс Брод, — они тоже не были связаны эстетическими манифестами, но их объединяли общий ландшафт и воспитание.

Сначала заняли свои ниши в немецкой поэзии Пауль Целан (уже знаменитый ко времени своей трагической гибели в апреле 1970 года) и лауреат премии Гейне и обладательница Большого германского креста «За заслуги» Роза Ауслендер. Изучая их творчество, немецкие литературоведы вдруг открыли для себя среду, в которой сформировались эти поэты, и заинтересовались другими именами из того же круга.

Жизнь разбросала их по всему свету, но общие корни выходцев из Буковины побудили критиков заговорить о Черновцах как тайной столице немецкой литературы. К сожалению, многие так и не обрели настоящее признание, будучи оторваны от издательств и немецкого культурного пространства.

— Но Роза Ауслендер переехала из США в ФРГ еще в 1966-м...

— И именно тогда стала известной — уже в Дюссельдорфе. Целан — исключение, он жил в Париже, приезжая в Германию только к своим издателям или на литературные вечера. Но сегодня интерес к черновицким немецкоязычным поэтам возрос неимоверно — появляются многочисленные диссертации, а в издательстве Rimbaud Verlag в серии «Немецкоязычная библиотека Буковины» вышло уже около 100 (!) томов.

— В советское время кто-то интересовался этими громкими сегодня именами?

— Разве что литераторами XIX века — Карлом Эмилем Французом, но не кругом поэтов, о котором мы говорим, ведь все они, пусть и недолго, были советскими гражданами и выбрали эмиграцию. И этого им простить не могли.

Единственное исключение — изданный в середине 1970-х в Москве томик «Из современной австрийской поэзии», где среди пяти поэтов был представлен и Пауль Целан в переводе Льва Гинзбурга. Но даже Целана до распада СССР практически не переводили, и когда в 1992-м я издал в Черновцах его сборник, — он стал первым на всем постсоветском пространстве.

— Есть ли шанс включить этих поэтов в украинское культурное пространство?

— До 2010 года Целан был включен в школьную программу украинских школ, его стихи входили в учебники и хрестоматии (на примере «Фуги смерти» старшеклассники обсуждали тему Холокоста), но позже по непонятным причинам его исключили из программы. Других поэтов изучают на локальном уровне — в рамках уроков краеведения. И надо сказать, школьников это «цепляет» — они даже создают ролики о творчестве своих земляков, проводят литературные вечера.

Появление украинских переводов этому, безусловно, способствует. Когда эти немецкоязычные поэты-евреи станут частью украинского сознания, они станут и частью эстетического пространства — на их образы и формы будут опираться молодые украинские поэты.

— Эта рецепция уже происходит, причем на уровне массового сознания — благодаря вашему «Буковинско-галицкому литературному маршруту».

— Идея такого маршрута возникла у нас с немецкой художницей Хельгой фон Лёвених несколько лет назад. Города и местечки Галиции и Буковины подарили миру множество литераторов первого ряда — из Бучача вышел нобелевский лауреат Агнон, из Чорткова — Карл Эмиль Француз, из Брод — Йозеф Рот, из Буданова — первый биограф Рота и сам прекрасный писатель Зом Моргенштерн (в Германии недавно издали собрание его сочинений в 11 томах).

Мы хотим увековечить имена этих писателей и поэтов-евреев — украинский скульптор делает бюст, а муниципальные власти того или иного города позволяют его установить. Все это осуществляется на средства МИД ФРГ, где поддержали проект.

*Памятник Карлу Эмилю Французу
в Чорткове*

*Памятник Шмуэлю Агнону в
Бучаче*

Так возник литературный маршрут, протяженностью примерно 150 километров, начинающийся в Черновцах, идущий через Заболотов (родину Манеса Шпербера — известного писателя и эссеиста), Чортков, Бучач — до Брод.

Это преследует двойную цель. Во-первых, местные жители открывают для себя имена добившихся известности в Европе земляков, прославивших свою и их малую родину. Во-вторых, туристы, скажем из Германии, могут проехать по этим местам, ощутив атмосферу, в которой росли литераторы, чье творчество изучают в немецких школах и университетах.

Уже установлен памятник Агнону в Бучаче (где был основан и центр Агнона), Француз в Чорткове, Герману Кестену (крупный немецкий писатель, президент ПЕН-центра ФРГ) в Подволочиске, этой весной был открыт памятник Розе Ауслендер в Черновцах, на очереди — бюст Йозефу Роту в Бродах и памятник Зоме Моргенштерну.

Возможно, к этим именам присоединится уроженец Черновцов, недавно скончавшийся известнейший израильский писатель Аарон Аппельфельд, творивший на иврите, но родным языком которого был немецкий.

Беседовал Михаил Гольд